

Цяо Е разбудила горечь.

Он открыл глаза. Голова раскалывалась, горло пересохло так, будто в нём горел огонь, всё тело ломило до самых костей. Он растерянно уставился в незнакомый потолок и лишь спустя некоторое время вспомнил, где находится. Инфузионная палата университетской медчасти.

За окном стоял болезненно-белый свет — не понять, то ли утро, то ли вечер. В воздухе едва пахло дезинфекцией, лекарство капля за каплей стекало по трубке, словно падало прямо в его пустую голову. Цяо Е пошевелился — всё тело будто разваливалось на части, даже руку поднять было тяжело.

Как он вообще здесь оказался?

Воспоминания начали складываться кусок за куском. Кабинет. Совместный отчёт. Шатнувшийся шаг. Темнота перед глазами... и чья-то горячая рука, подхватившая его.

Цяо Е резко сел, дёрнув катетер на тыльной стороне ладони, и руку пронзило болью. Только тогда он заметил капельницу. На тумбочке у кровати стоял стакан ещё тёплой воды, а рядом аккуратно лежали две пластинки таблеток: жаропонижающее и лекарство для горла.

Рядом с ними лежала записка. Почерк — изящный, твёрдый. Всего одна строка:

«Принимай вовремя. Жаропонижающее — после еды».

Подписи не было. Но почерк Цяо Е знал. На анатомических отчётах видел его бесчисленное количество раз. Это писал Пэй Цзюэ.

В голове загудело. Цяо Е не мог решить, радоваться ему или считать всё происходящее абсурдом. Он, здоровый взрослый мужик, умудрился загнать себя до обморока, а в итоге его подобрал собственный заклятый соперник, остался рядом и ещё лекарствами обеспечил. Если об этом узнают, куда ему девать лицо?

Пока Цяо Е сидел в оцепенении, дверь открылась. Вошёл Пэй Цзюэ с порцией горячей жидкой каши из столовой. Увидев, что Цяо Е проснулся, он на мгновение замедлил шаг, а затем снова надел привычное бесстрастное выражение.

— Очнулся? — Он поставил кашу на тумбочку; тон был холодным, словно он сообщал будничную служебную информацию. — Ты хоть знаешь, что температура была тридцать девять и пять? Врач сказал, ты себя просто загнал. Работал без остановки и довёл организм до срыва.

Цяо Е открыл рот; голос оказался ужасно хриплым:

— ...Как я здесь оказался?

— Ты отключился у двери кабинета, я по пути притащил тебя сюда, — неторопливо ответил Пэй Цзюэ. — Не выдумывай лишнего. Я просто не хочу, чтобы наш совместный отчёт сорвался из-за того, что ты один решил геройствовать.

Презрения в этих словах хватило бы на троих.

Вот только Цяо Е смотрел на две идеально уложенные пластинки таблеток и стакан воды ровно той температуры, чтобы можно было сразу пить, — и не находил ни слова для ответа.

Человек, которому он якобы так противен, стал бы сидеть здесь? Сходил бы за кашей? Помнил бы, что у него болит горло, и даже собственноручно написал бы, что жаропонижающее надо принимать после еды?

Всю жизнь Цяо Е болел один. Дома никому не хватало времени за ним ухаживать, и он давно привык справляться сам. Но сейчас эта забота — тщательная до почти пугающей нежности — свалилась на него внезапно и оглушительно. Он сидел ошарашенный и не знал, куда деть руки и ноги.

Хуже всего было то, что заботился о нём именно Пэй Цзюэ. Тот самый человек, которого Цяо Е из принципа хотел победить, тот самый заклятый соперник, с которым ещё несколько дней назад они насмерть спорили из-за места. Тот, кто однажды под светом у входа пытался сунуть ему деньги и услышал в лицо: «Мне не нужна жалость».

Тогда Цяо Е с такой силой швырнул в него слово «подачка». Но эти лекарства, каша и записка явно не были подачкой. В голове стоял хаос. Цяо Е никак не мог понять: чего этот человек на самом деле хочет?

— И ещё, — словно вспомнив, добавил Пэй Цзюэ. — Сегодня твоя очередь ухаживать за препаратом вашей анатомической группы. Я сделал это за тебя.

Цяо Е резко вскинул голову.

Уход за анатомическим препаратом — дело долгое и хлопотное. В таком состоянии он бы туда просто не дополз, а пропусти свою очередь — баллы сняли бы со всей группы. Но именно за такую работу ему меньше всего хотелось быть кому-то обязанным.

— Мне не нужна твоя помощь, — упрямо выпалил Цяо Е, почти инстинктивно отталкивая предложенное.

Пэй Цзюэ посмотрел на него. В его обычно холодных глазах на миг мелькнуло что-то вроде обиды, словно его неожиданно осадил.

— Я знаю, что не нужна, — ровно сказал он. — Это мне не нужно, чтобы ты запорол уход за препаратом и потянул вниз мои баллы.

Опять та же отговорка.

Цяо Е уставился на него и вдруг почувствовал, как сопротивление понемногу сдувается. Теперь он слышал, что прячется под всеми этими «неприятными» словами. Пэй Цзюэ так плотно заковывал себя в броню, что каждое доброе дело протягивал другому, обёрнутое жёсткой оболочкой «я делаю это для себя». Будто только так мог позволить себе заботиться о человеке без внутреннего дискомфорта.

Почему? Цяо Е неожиданно вспомнил ту фигуру на аллее — человека, запертого собственной фамилией и словно не способного свободно вздохнуть.

— ...Эй, — выдавил Цяо Е после долгой борьбы, гнусавым больным голосом. — Пэй Цзюэ.

— Мм?

— За этот раз... — Цяо Е отвёл взгляд; кончики ушей густо покраснели. — Считаю, я должен тебе услугу. Я, Цяо Е, чужое просто так не беру. Рано или поздно верну этот долг — ещё и с процентами.

Он не сказал «спасибо». Не мог. Эти два слова казались слишком мягкими и слишком горячими. Но для его упрямого характера это уже было самым большим возможным отступлением.

Пэй Цзюэ несколько секунд молча смотрел на его упрямое, смущённое лицо, на попытку держаться, не соглашаясь смягчиться.

А потом Цяо Е отчётливо увидел: уголок губ человека, который почти круглый год не менял выражения лица, едва-едва поднялся.

Это была не насмешка.

— Хорошо. — Пэй Цзюэ взял миску с кашей и протянул ему. Тон оставался ровным, но в этой ровности будто растворилось что-то, чего Цяо Е раньше никогда не слышал. — Сначала съешь кашу. Долг запомни.

Цяо Е не взял миску.

Пэй Цзюэ тоже не убрал руку и продолжал держать её перед ним с видом: «Не поешь — буду стоять так вечно».

Несколько секунд они упрямо мерились силами, но Цяо Е всё-таки не выдержал запаха горячего риса и, вытянув шею от упрямства, словно смирившись с судьбой, принял миску.

Тёплая каша скользнула в желудок и разлилась теплом по всему телу. От этого облегчения Цяо Е почему-то защипало в носу. Он вдруг понял, что уже не помнит, когда в последний раз кто-то вот так ухаживал за ним — не ради выгоды, не ради чего-то ещё, а просто потому, что хотел позаботиться.

Он опустил голову и ел ложку за ложкой. Никто не увидел, что глаза у него немного покраснели.

Пэй Цзюэ сел рядом на стул и не ушёл. Достал из сумки толстый профессиональный учебник, открыл и тихо принялся читать, будто просто случайно проходил мимо и случайно решил здесь передохнуть. Но человек, который разложил лекарства, написал записку и специально принёс кашу, всё-таки не смог заставить себя уйти.

В палате было тихо. Только с улицы доносились неясные голоса, да негромко шуршали переворачиваемые страницы. Цяо Е держал в руках тёплую миску и вдруг подумал, что этот человек, всегда холодный как лёд, кажется, всё-таки не настолько холоден.

Когда в тот день Цяо Е вышел из медчасти, уже сгущались сумерки.

Он нащупал в кармане две недопитые пластинки лекарств и снова и снова думал о заботе, которую тот человек неловко протягивал ему из-под своей жёсткой оболочки.

Цяо Е не любил быть кому-то обязанным. Особенно Пэй Цзюэ.

— Будем квиты, — тихо пробормотал он темнеющему небу, будто спорил сам с собой. — Я обязательно найду шанс рассчитаться с ним.

Тогда он ещё не знал, что этот шанс представится гораздо быстрее, чем он думает.

И не знал, что с того момента, как он принял ту миску каши, в некоторых вещах, которые он изо всех сил отказывался признавать, уже незаметно переменялась погода.

<http://bllate.org/book/21871/2271022>